

Тот, кто сказал, что спортсмен проживает две жизни, явно не знал Виктора Сидяка

Затихший сабли звон

Тот, кто сказал, что спортсмен проживает две жизни, явно не знал Виктора Сидяка. Кроме классического набора — в спорте и после окончания карьеры — Виктору Александровичу пришлось пережить еще несколько взлетов и падений, каждое из которых способно было обрезать крылья.

В 1972 году на Олимпиаде в Мюнхене Виктор Сидяк выиграл первую в истории СССР “личную” золотую медаль в фехтовании на саблях. Потом на пути четырехкратного олимпийского чемпиона были вылет из сборной “на улицу”, успешная тренерская карьера за границей, возвращение домой, где его опыт в начале 2000-х оказался невостребованным. В итоге свою карьеру в спорте Сидяк завершал в боксе. Сам перчатки, конечно, не надевал, вместе с другими энтузиастами помогал белорусским бойцам сделать первые шаги на профессиональном ринге. А в конечном счете оказался ненужным ни на фехтовальной дорожке, ни возле ринга.

— **О вас ничего не было слышно уже несколько лет: чем вы сейчас занимаетесь?**

— Ничем. Несколько лет назад работал в Швейцарии, но потом пришлось уехать. Теперь — просто пенсионер в России. Правда, иногда как олимпийского чемпиона приглашают участвовать в каких-то праздниках или мастер-классах... Недавно вот в Сибирь ездил, рассказывал про Олимпиаду.

В общем, “свадебный генерал”. Но я по большому счету устал напрашиваться. Работаю там, где предлагают...

— Помнится, в Беларуси вы даже входили в руководство федерации профессионального бокса...

— Это была, считай, общественная должность. Что-то вроде генерального секретаря. Денег в то время в боксе не было, да и сам профессиональный бокс в нашей стране делал лишь первые шаги. Хотя времена, помнится, интересные были. Один бой Николай Валуев — Виталий Шкраба чего стоит! Многие, думаю, помнят то шоу в минском цирке, а я ведь, считай, его организовывал.

— Сложно было договориться с россиянином?

— В то время организовать профессиональные бои было не так и просто. Профессиональный бокс в Беларуси еще не был раскручен. Немногие представляли, что вообще будет происходить на ринге и почему боксировать будут не в спортивном зале, а в цирке или ночных клубах. Это сейчас уже и в Беларуси, и в России проводится много подобных шоу: профессиональный бокс, бои без правил, ММА... Никому ничего объяснять не нужно. К тому же Валуев тогда на подъеме был, шел к чемпионскому титулу... Помню, как я ездил в Санкт-Петербург — отвозил Николаю аванс.

— **Много?**

— Не скажу. Да и не помню уже точно. Но зато хорошо помню, как после этого он отказался от боя.

— **Взял аванс и решил не боксировать?**

— Ну да: просто заявил, что не поедет. Точнее, как я понял, отказался не сам Николай, а его промоутер, но ситуация была очень щекотливой. Пришлось долго их уговаривать, напоминать о предусмотренной контрактом неустойке, грозить судами... В общем, в итоге Валуев в Минск приехал. Помню, какой это вызвало ажиотаж! Все хотели посмотреть на такого спортсмена: в цирке был аншлаги — не знали, куда всех рассадить. Кстати, мы тот бой отсняли, получилась очень качественная запись. Странно, что сейчас ее нигде не используют. Шкраба, правда, проиграл: объективно говоря, он вряд ли мог

считаться равным соперником для Валугева, но найти более подходящего кандидата в то время в Беларуси было невозможно.

— **Принято считать, что на организации профессиональных боев можно неплохо заработать, да еще и собрав аншлаг...**

— Какое там! С Валугевым мы тогда еле-еле в ноль вышли. Кроме гонорара, Валугеву нужно было ведь хоть по копейке заплатить ребятам, боксировавшим “на разогреве”. Плюс всякие сопутствующие расходы. В общем, о прибыли и речи не шло: нам всем было интересно привезти в Беларусь настоящий профессиональный бокс. Хотя, откровенно говоря, за ситуацией на мировом ринге я сейчас особо не слежу. Фехтование мне все-таки ближе.

— **И как вам ситуация в белорусском фехтовании?**

— Все ведь и без слов понятно: ноль он и есть ноль. На Олимпиаду в Рио один человек поехал, да и тот недолго задержался. Правда, на Паралимпийских играх Андрей Праневич стал чемпионом. Это, конечно, здорово, но, откровенно говоря, вряд ли может служить показателем развития фехтования в стране... Хотя, помню, пару лет назад на соревнованиях в Москве предложил белорусам: давайте я с ребятами поработаю — может, подскажу что-нибудь полезное? Никто даже не шевельнулся в этом направлении. Покивали головой, да и все. Значит, похоже, сами знали, что делать.

— **Как так получилось, что в Беларуси были многократные олимпийские чемпионы в фехтовании — Елена Белова, Александр Романьков, Виктор Сидяк, Николай Алехин, — а потом раз — и ноль?**

— Полагаю, не в последнюю очередь потому, что все эти люди в конечном счете оказались не нужны в своем виде спорта. В 2001 году я на заседании федерации предложил: давайте соберем всех наших чемпионов и тренеров, выработаем единую модель работы, попробуем что-то сдвинуть с места. Увы, в итоге Елена Белова сейчас преподает в Высшей школе тренеров, я — пенсионер в России, чем Алехин и Смоляков занимаются, я толком и не знаю... Романьков попытался было взять дело в свои руки, но, насколько я

слышал, в конце концов уехал работать в Узбекистан. А ведь фехтование — тот вид спорта, в котором у нас всегда были и традиции, и школа, и который при этом можно развивать без необходимости строить дорогие спорткомплексы или организовывать круглогодичные заграничные сборы. Знаю, один частник-энтузиаст пытается создать клуб фехтования, и он даже предложил мне, когда все заработает, прийти к нему тренером. Вот жду. Но сказать, как один частный клуб может изменить положение дел в целом виде спорта, очень сложно.

— **В нашу нынешнюю команду вы, выходит, уже не верите?**

— Честно сказать, там, на мой взгляд, один толковый человек — Александр Буйкевич, который потенциально способен показать высокий результат. Но ему, увы, многого не хватает, и никто не пытается это исправить: все катится по накатанной дорожке. Мне, кстати, кажется, что главной ошибкой Романькова на посту руководителя федерации фехтования было как раз то, что ему не удалось сломать существующую систему. Это было необходимо сделать, белорусскому фехтованию нужна революция, но никто не хочет за это браться...

Когда-то Виктор Сидяк наводил ужас на соперников.

— **Быть может, фехтование просто утратило былую популярность и массовость? Вот в России, например, как с этим дела?**

— Пока президентом федерации был Алишер Усманов, у фехтования не было проблем. С такими-то ресурсами! Сейчас он возглавил международную федерацию и тоже старается поддерживать российских спортсменов, открыто много клубов. Но, откровенно говоря, даже при всем при этом сделать

фехтование по-настоящему массовым видом спорта пока не получается. Плюс из олимпийской программы убрали два вида. Усманов, правда, обещал, что будет бороться за возвращение прежнего формата соревнований, но пока особого успеха не добился. Но это проблема не фехтования как вида спорта. Это проблема конкретных стран. В США, например, не нужно лишний раз рассказывать, как здорово плавать или, скажем, играть в баскетбол. То же самое в Канаде с хоккеем. Я, конечно, утрирую, но там, где чтут традиции, вид спорта развивается без необходимости прикладывать сверхусилия. Точно так же в Италии: при всей увлеченности футболом и гонками фехтование там не теряет популярности. По стране — около 290 клубов, в каждом университете — команда, много тренеров, занимающиеся имеют льготы при оплате учебы, даже получают стипендии. Первенство Италии даже среди десятилеток собирает по 600—700 человек. Несколько сотен и на взрослом чемпионате. В чемпионате огромной России, для сравнения, участвует около 70 человек, в Беларуси хорошо если 15—20 наберется. Поэтому того, что на каком-то этапе Беларусь окажется попросту чужой в мировом фехтовании, я опасаюсь куда сильнее, чем того, что само фехтование могут исключить из олимпийской программы. К слову, нынешний глава НОК Томас Бах сам фехтовальщик, причем олимпийским чемпионом стал на Играх в Москве, куда в отличие от многих решился приехать в составе сборной рапиристов.

— Интересно повернулась жизнь: сегодня Бах не смог унять тех, кто оставил многих российских спортсменов без Олимпиады в Рио...

— Мне вообще противна обстановка в современном спорте. В то время, когда я выступал, мы вообще не знали, что такое ВАДА. Слышали, что есть такая организация, которая занимается проверкой спортсменов, но никто каждый день к нам в номер в 5 утра с пробирками не стучался и пробы через 8 лет не перепроверял. Мы просто знали, что есть список запрещенных препаратов: 5—6 штук. По большому счету, это были очень “тяжелые” препараты, практически наркотики. В 1972 году я приболел на Олимпиаде, мне доктор сказал: “Будешь что-то принимать — спроси у меня”. Вот и весь контроль. А случаи вроде недопуска сборной — это со времен СССР к допингу не имело никакого отношения. Чистая политика.

— Много говорят о том, что в 1980-е большинство рекордов было установлено под воздействием запрещенных препаратов, но с тех пор система контроля сделала большой шаг вперед. Вы так не считаете?

— Я давно в спорте, знаю, как в нем все устроено, и сегодня вижу, что несколько, так сказать, пенсионного возраста граждан попросту пытается лоббировать в мировом спорте интересы определенных фармакологических компаний. Вот и все, что сегодня называют борьбой с допингом. Думаете, почему список запрещенных препаратов раздули до таких размеров, что туда уже разогревающие мази стали вносить? Сейчас вроде начали какую-то реорганизацию — надеюсь, что здравый смысл в мировом масштабе все же возобладает. Хотя понятно, что прежнего вида спорту вернуть, похоже, уже не удастся.

[Дмитрий Комашко, «Беларусь сегодня», 28 октября 2016 г.](#)